УДК 343.42-047.34(470+510)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-1/148-164

А.А. Ширшов¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: brahma@bk.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВОЗБУЖДЕНИЕ НЕНАВИСТИ, ВРАЖДЫ И ЗА ОСКОРБЛЕНИЕ ЧУВСТВ ВЕРУЮЩИХ: ОПЫТ РОССИИ И КИТАЯ

Аннотация. Настоящая работа посвящена сравнительному анализу норм российского и китайского уголовного законодательства, устанавливающих уголовную ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а также за унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а также за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий. Автор раскрывает содержание диспозиций соответствующих уголовно-правовых норм, анализирует их содержание; рассматривает основные элементы составов преступлений, являющихся предметом исследования; выделяет критерии, которые позволяют разграничить уголовно-правовые нормы и решить вопрос с конкуренцией анализируемых составов преступлений.

Кроме того, автор анализирует тенденции изменения уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий, и норм, предусматривающих ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. В работе критически анализируется неоднозначно оцениваемый специалистами подход российского законодателя к уголовно-правовой охране указанных правоотношений в сравнении с опытом КНР, анализируются потенциально возможные проблемы правоприменения, рассматриваются внутренние противоречия уголовного закона в этой части и проблемы его соотношения с нормами Конституции и международного законодательства. Автор делает вывод об отсутствии объективных потребностей во введении в Уголовный Кодекс России специальной нормы, уста-

¹ Алексей Александрович Ширшов, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Ширшов, А.А. Ответственность за возбуждение ненависти, вражды и за оскорбление чувств верующих: опыт России и Китая // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 1. С. 148–164.

навливающей ответственность за оскорбление чувств верующих и о возможных негативных последствиях её введения.

Ключевые слова: Россия, Китай, уголовная ответственность, возбуждение ненависти, вражда, свобода совести, уголовная политика.

Alexey A. Shirshov¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: brahma@bk.ru

CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR INCITEMENT TO HATRED, ENMITY AND INSULTING RELIGIOUS FEELINGS OF BELIEVERS: EXPERIENCE OF RUSSIA AND CHINA

Abstract. The present paper conducts a comparative analysis of the standards in Russian and Chinese criminal legislations, that establish a criminal responsibility for violation of a right for the liberty of conscience and religions, and also the standards providing responsibility for incitement to hatred or enmity and humiliation of human dignity of people belonging to a different race, nationality, language, identity or religion, as well as for violation of the right for the freedom of conscious or beliefs. The author discloses the contents of dispositions of the relevant criminal provisions, analyzes the standards in Russia and China; considers the key elements of the corpus delicti in both Criminal Codes which are an object of the research; points out criteria which allow to differentiate penal provisions.

Moreover, the paper analyzes the trends in changing criminal legislation providing responsibility for the violation of a right for the liberty of conscience and religions, and also the standards of responsibility for incitement to hatred or enmity and humiliation of human dignity. The paper critically analyzes an ambiguously estimated by experts approach of a Russian legislator to criminal legal protection of the specified problems, analyzes potentially possible issues of law enforcement, considers internal contradictions of the criminal law in this part and problems of its correlation with the standards of the Constitution and international legislation. The author is convinced that so far there have been no objective needs for the introduction to the Russian Criminal Code of a special norm establishing responsibility for insulting feelings of believers. Insulting the feelings of be-

¹ Alexey A. Shirshov, Candidate of sciences, Criminal Law and Criminology Department of Law school, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Shirshov, Alexey A. Criminal responsibility for incitement to hatred, enmity and insulting religious feelings of believers: experience of Russia and China // ASIA-PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2017. N 1. P. 148–164.

lievers, as the work shows, could be qualified (and it was successfully qualified in practice) under the Article 282 of the Criminal code of the Russian Federation providing responsibility for incitement to hatred or enmity and also on humiliation of dignity of a human or a group of humans according to sex, race, nationality, language, origin, religious attitudes and any social group membership. The transition to a causal approach in designing of criminal precepts of the law testifies is evidence of the insufficient level of the legal equipment, the absence of an accurate concept of the development of Russian criminal legislation.

Key words: Russia, China, *criminal responsibility, incitement to hatred; enmity, liberty of conscience, criminal policy.*

Национальный вопрос и национальная политика всегда относились к крайне деликатным проблемам, верное решение которых особенно важно в условиях современных многонациональных и многоконфессиональных государств, к которым, несомненно, относятся Россия и Китай.

Несомненно, исследовать вопросы правового регулирования, касающиеся чувства собственного достоинства целого народа, а тем более религии, крайне сложно. К. Г. Юнг заметил, что «любой, кто пытается мыслить честно, должен признать недостоверность какой бы то ни было метафизической позиции, в том числе недостоверность всех вероисповеданий. Он должен признать неудостоверяемую природу всех метафизических положений и примириться с тем, что способность человеческого рассудка вытаскивать себя за волосы из болота ничем не подтверждается» [11]. Именно поэтому в настоящей работе автор использует формально-юридический метод, анализируя те понятия и категории, которые допускают неоднозначное толкование с точки зрения приверженца той или иной религиозной конфессии.

Официальные средства массовой современной России постоянно обращают внимание на необходимость духовного, морального, нравственного и религиозного возрождения, важным элементом которого должна выступать религия. Чиновники считают, что этот процесс запущен и успешно развивается, пусть медленно и трудно, поскольку российскому обществу приходится преодолевать не только негативное отношение к религии, внушённое населению в годы советской власти, но и кризис культуры, морали и духовности, в котором оказалась страна с момента отказа от прежней идеологии и начала коренных экономических реформ.

С другой стороны, идеи толерантности, культурного и идеологического многообразия известны в России давно. Именно они были положены в основу принятой в 1993 году Конституции, которая провозглашает равенство прав и свобод человека и

гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Эти же идеи нашли воплощение и в «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации», которая была одобрена Постановлением Правительства России в мае 1996 г. и утверждена Указом Президента России № 909 от 15 июня 1996 г. Именно эти документы ввели в оборот понятие «российская нация» и обогатили перечень субъектов права новым субъектом – «многонациональным народом России».

Однако говорить о том, что российский народ един, а национальных и религиозных конфликтов в современной России не существует, – значит выдавать желаемое за действительное. Например, идея передачи *Исаакиевского* собора Русской православной церкви вызвала далеко не однозначную реакцию со стороны общественности и протесты оппозиции.

Необходимость решения национального вопроса встала и перед Китаем, хотя китайский подход к этому вопросу отличался спецификой. О проблеме долгое время не говорили, и лишь в конце 1970-х гг., когда в Китае произошло резкое ухудшение национальной ситуации, выросла напряжённость в национальных отношениях, участились вспышки инцидентов на этнической почве, значимость проблемы привлекла к себе внимание руководства КПК. В 1982 г. XII Всекитайский съезд КПК впервые в истории партии дал оценку национального вопроса в Китае как проблемы чрезвычайной государственной важности [6, с. 149]. Сегодня позиция руководства Китая в отношении оценки значимости национального вопроса коренным образом отличается от первоначальной. Новая оценка помогла в 1980-е гг. изживанию нигилистического отношения к этой важной проблеме как внутри КПК, так и в стране в целом. Во многом благодаря усилиям Дэн Сяопина КНР вышла на путь конструктивного решения национального вопроса, при этом была сформирована целостная теория с учётом китайской специфики. Сегодня основные направления национальной политики КПК – это проблемы сплочённости, национального равенства и благосостояния национальностей, что позволяет говорить о создании концепции «единого многонационального Китая» [5].

Схожесть концептуальных идей, положенных в основу формирования единого многонационального государства, во многом предопределила и схожесть уголовно-правовой защиты тех принципов, которые положены в основу национального устройства России и Китая. Соответствующие нормы, обеспечивающие уголовно-правовую охрану принципов равенства независимо от национальной и религиозной принадлежности, содержатся в уголовном законодательстве обеих стран.

И современная Россия, и Китай – и по конституции, и фактически – светские государства, которые населяет множество народов с самими разнообразными тра-

дициями, верованиями, религиями. И Россия, и Китай столкнулись с тем, что в условиях духовного вакуума, который стал ещё более разреженным в годы реформ, растёт привлекательность различных религий – традиционных и нетрадиционных.

Несмотря на значительное первоначальное сходство уголовно-правовых норм, направленных на пресечение межэтнических и межрелигиозных конфликтов, отметим, что проведённые за последние годы реформы российского уголовного законодательства по сути предложили свой, специфический путь, выделив отдельный объект уголовно-правовой охраны – чувства верующих. Насколько оправдан такой подход российского законодателя, может показать сравнительный анализ уголовного законодательства двух стран.

Анализ действующего уголовного законодательства России в сфере исследования осложнён, поскольку УК РФ содержит две схожие нормы, ставящие под охрану права граждан исходя из их национальной и религиозной принадлежности. При этом предмет уголовно-правовой охраны статей 282 и 148 УК РФ достаточно близок, но не совпадает. Для корректного определения предмета уголовно-правовой охраны необходимо проанализировать нормы конституционного законодательства.

Ст. 14 Конституции устанавливает, что Россия – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. В статье 28 Конституции сказано, что каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Указанные выше нормы тесно связаны с ещё одной статьей Конституции – статьёй 29, которая устанавливает свободу мысли и слова, запрещает пропаганду или агитацию, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Конституция также запрещает пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

Эти нормы полностью соответствуют ст. 18 Пакта о гражданских и политических правах (Международный пакт о гражданских и политических правах. Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) и ст. 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Рим, 4 ноября 1950 г.).

УК России в ст. 282 предусматривает ответственность за возбуждение ненависти или вражды. Уголовно наказуемыми являются действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, от-

ношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершённые публично или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Полагая, что связь норм Уголовного кодекса с нормами Конституции очевидна и не требует специального анализа. Определяя объект преступного посягательства, законодатель прямо указал использованные в Конституции термины и определения.

Иной вывод вытекает из анализа ст. 148 УК, которая предусматривает ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий. Ныне действующая редакция указанной статьи, принятая 29 июня 2013 г., устанавливает ответственность за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершённые в целях оскорбления религиозных чувств верующих. Часть вторая названной статьи предусматривает квалифицированный состав, который образует совершение указанных действий в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний. Обратим внимание на то, что изменения в ст. 148 УК РФ были внесены в рамках очередной кампании по расширению уголовно-правовой репрессии после скандального дела Pussy Riot. Ранее эта статья предусматривала уголовную ответственность только за действия, которыми чинились препятствия проведению обрядов верующими или деятельности организаций религиозного характера. Прежний состав трансформировался в часть третью ст. 148 УК, предусматривающую ответственность за незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний.

Анализ содержания этой статьи позволяет сделать вывод о несоответствии объекта уголовно-правовой охраны указанному в названии статьи объекту, определяемому исходя из её содержания. Общеизвестно, что свобода совести включает в себя не только право исповедовать любую религию, но и право не исповедовать никакой религии, в том числе право быть атеистом. Уголовный закон же защищает только чувства верующих. Очевидно, законодатель по какой-то непонятной причине считает, что чувства лиц, не исповедующих никакой религии, не нуждаются в уголовно-правовой защите, создавая, с одной стороны, верующим определенные преференции (благо, не указывая конкретной конфессии), а с другой – дискриминируя атеистов.

Очевидно, объект преступного посягательства, охраняемый ст. 282 УК, шире, чем объект, предусмотренный ст. 148. Объекты указанных статей соотносятся как общее и частное: ст. 148 представляет собой частный случай возбуждения ненависти или вражды путём оскорбления чувств верующих. Кроме того, дополнительным объектом, предусмотренным ст. 148, выступает общественный порядок, поскольку законодатель говорит о действиях, оскорбляющих чувства верующих и выражающих явное неуважение к обществу.

Таким образом, исходя из общих правил квалификации, в случае конкуренции норм преимущество применения получит специальная норма, которая, кроме того, включает в себя дополнительный объект в виде общественного порядка.

Объективные элементы составов преступлений, предусмотренных ст. 282 и ст. 148 УК РФ, имеют много общего.

Диспозиция ст. 282 УК РФ указывает, что объективная сторона преступления включает в себя два вида деяний: а) действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды; б) действия, направленные на унижение достоинства человека либо группы лиц.

Обратим внимание на то обстоятельство, что законодатель, конструируя указанную уголовно-правовую норму, использовал не описательную, а простую диспозицию, не раскрыв содержание термина «возбуждение ненависти или вражды». Полученный пробел был восполнен высшим судебным органом. Обобщая судебную практику по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности, Верховный Суд РФ разъяснил, что под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц [9].

Можно ли считать приведенную выше дефиницию исчерпывающей? Думается, что нет. Позиция Верховного Суда, связывающего возбуждение ненависти или вражды с высказываниями, обосновывающими необходимость совершения противоправных действий в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц, узковима. Круг действий, возбуждающих ненависть или вражду, может быть гораздо более широким. К таким действиям, например, следует относить формирование негативного образа нации, расы, религии либо определенной социальной группы, непризнание за ними способности иметь права, равные правам других субъектов, пропаганда идей расовой, религиозной или иной неполноценности.

Уголовный закон устанавливает запрет на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам принадлежности к какой-либо социальной группе. К большому сожалению, Верховный Суд не дал разъяснения, что же считать социальной группой. Определение же содержания указанного термина имеет большое значение, поскольку действующий уголовный кодекс в большом количестве статей Особенной части использует в конструкции квалифицированных составов преступлений указание на совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Автор полагает, что использование законодателем термина «социальная группа» позволяет квалифицировать по ст. 282 действия, направленные на унижение достоинства любых социальных групп, вне зависимости от их политических, экономических или идеологических признаков, позволяющих относить тех или иных людей к отдельным социальным группам.

В специальной литературе к признакам социальной группы относят: наличие внутренней организации; наличие общей (групповой) цели деятельности; групповые формы социального контроля; образцы (модели) групповой деятельности; интенсивные групповые взаимодействия; чувство групповой принадлежности или членства; ролевое согласованное друг с другом участие членов группы в общей деятельности или соучастие; ролевые ожидания членов группы относительно друг друга [8]. Однако наибольшее значение в анализируемом контексте имеет признак коллективной субъектности — социальная группа выступает как коллективный субъект социального действия (социальной активности), результатом которого являются социальные изменения и построение системы многоуровневых социальных связей и отношений с другими субъектами (социальными группами, организациями, общностями, институтами) [3].

Именно последний признак, на наш взгляд, выступает конституирующим для понимания сущности социальной группы в контексте ст. 282 УК РФ.

Исходя из анализа диспозиции ст. 282 УК РФ ясно, что законодатель не делает различий ни между качественными критериями деления общества на социальные группы, ни между количественными критериями, обеспечивая равную правовую охрану любым социальным группам, большим, малым, профессиональным, группам по интересам *et cetera*. Естественно, что признак отношения к какой-либо конфессии легко может быть положен в основу выделения специфических социальных групп. Таким образом, верующие в общем и верующие конкретных конфессий представляют собой социальные группы, интересы которых подлежат уголовно-правовой охране в соответствии со ст. 282 УК РФ.

Характеризуя объективную сторону преступления, предусмотренного частью 1 ст. 148 УК РФ, законодатель использовал понятие «оскорбление чувств верующих». Заметим, что подобный термин не нов для российского уголовного законодательства: он уже использовался УК с 1993 г. по 1996 г. В действовавшем тогда УК РСФСР имелась ч. 2 ст. 143, чей состав во многом был похож на нынешнюю редакцию ч. 2 ст. 148 УК РФ. Единственным существенным отличием статьи из УК РСФСР было то, что в её составе специально предусматривалось в качестве квалифицирующего признака использование средств массовой информации, в то время как сейчас это уже не требуется.

Законодатель, так же как и в ст. 282 УК РФ, не пошёл по пути конструирования описательной диспозиции, оставив разъяснение термина «оскорбление» для

правоприменителя, хотя сам по себе термин «оскорбление» для Уголовного кодекса России далеко не нов. Ст. 130 УК РФ предусматривала уголовную ответственность за оскорбление и действовала с момента принятия УК в 1996 г. вплоть до отмены в 2011 г. Эта статья определяла оскорбление как **унижение чести и достоинства другого лица**, выраженное в неприличной форме. При этом объектом оскорбления выступали честь и достоинство лица, понимаемые как самооценка личности. Потерпевшим может быть любое лицо. Оскорбление выражалось в унижении, умалении чувства собственного достоинства потерпевшего. Пленум Верховного Суда РСФСР в п. 14 постановления от 25 сентября 1979 г. «О практике рассмотрения судами жалоб и дел о преступлениях, предусмотренных ст. 112, ч. 1 ст. 130 и ст. 131 УК РСФСР», подчеркнул, что оскорбление представляет собой отрицательную оценку личности потерпевшего, имеющую обобщенный характер. Очевидно, что приведённые выше характеристики вполне применимы при определении оскорбления чувств верующих.

Оскорбление может быть нанесено различными способами. Устное или письменное выражается в словесной форме, возможно также оскорбление в виде рисунков, карикатур, скульптурных изображений (например, человека назвали свиньёй или изобразили, комбинируя черты его личности и тело животного). Наконец, возможно представить оскорбление действием – жестом или нанесением удара (например, пощёчины).

Обращает на себя внимание характеристика формы унижения достоинства – она должна быть неприличной. Если использованные при отрицательной оценке личности потерпевшего слова являются приличными, общепринятыми, то состава оскорбления не будет, так как закон не может запретить любые критические высказывания.

Основная проблема в решении вопроса о наличии в действиях лица оскорбления заключается в том, какая форма унижения достоинства является приличной, а какая нет. Ответ на него отсылает нас к моральным категориям. Неприличной является форма, противоречащая общепризнанным правилам обращения между людьми. Очевидно, что в этом отношении неизбежны споры и разногласия.

Однако применительно к контексту ст. 148 УК необходимо заметить, что законодатель ведёт речь не об оскорблении верующих, а об оскорблении чувств верующих. К сожалению, подобная формулировка открывает самые широкие возможности для злоупотреблений по простой причине: на первое место выступает восприятие оскорбления потерпевшим. Естественно, когда верующий не считает действия лица унижительными, то оскорбления его чувств не будет. Но как быть в противоположном случае, когда имеется повышенная чувствительность лица, которое может счесть оскорбительными для веры любые действия, которые входят в противоречие со сложившимися конфессиональными правилами и канонами?

По делам об оскорблении суды широко прибегали к помощи филологов и назначали литературоведческую экспертизу, перед которой ставили вопрос о том, является ли данное слово литературным (общеупотребительным). Безусловно, неприличными являются все нецензурные выражения (раньше их называли ещё непечатными, но в последнее время, к сожалению, они стали появляться в печати). Вопрос состоит в том, являются ли конкретные слова оскорбительными, причем не просто для человека, а для человека верующего. Ответ на этот вопрос не входит в компетенцию филологов, так как он относится к познаниям не в сфере литературоведения, а в области религиозной этики. Естественно, что окончательная оценка формы как неприличной дается судом, но она не всегда бывает однозначной.

Ещё одна проблема состоит в том, что законодатель требует оценки приемлемости или неприемлемости тех или иных форм не с точки зрения среднего светского, не религиозного человека, а со стороны человека верующего. И в этой ситуации критерий приемлемости во многом оказывается зависим от конкретных религиозных чувств, которые, в свою очередь, зависят от принадлежности верующего к конкретной конфессии. При этом легко представить ситуацию, когда одни действия не будут оскорбительными, к примеру, для мусульман, и, напротив, будут оскорблять чувства православных христиан. Более того, в некоторых случаях порядок отправления религиозных обрядов верующими одной конфессии может оскорблять чувства верующих других конфессий. К примеру, жертвоприношения, проводимые в мусульманских общинах на праздник Курбан-Байрам, часто вызывали крайне негативную реакцию со стороны христиан [7].

Одним из условий ответственности по ст. 148 УК РФ выступает то обстоятельство, что оскорбление чувств верующих должно происходить в виде публичных действий, выражающих явное неуважение к обществу. Признак публичности характерен и для диспозиции ст. 282 УК РФ.

Содержание понятия «явное неуважение к обществу» также известно российскому уголовному праву достаточно давно. Указанный признак выступает конституирующим в определении состава преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ «Хулиганство». Правоприменительная практика понимает под явным неуважением к обществу нарушение общепризнанных норм и правил поведения, продиктованное желанием виновного лица противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним.

И тут вновь возникает вопрос: должны ли действия оскорбляющего выражать явное и недвусмысленное неуважение к обществу в целом с точки зрения любого члена этого общества либо относиться только к представителям определенной конфессии или религиозной группы? Однозначного ответа на него действующее законодательство не даёт. Логика подсказывает, что слепое следование узким конфессиональным интересам может привести к ущемлению интересов других групп

населения, принадлежащих иным религиозным конфессиям либо вообще не исповедующих какой-либо религии.

Однако правоприменительная практика пошла иным путём. В этом смысле крайне показательным является уголовное дело, возбужденное в отношении организаторов выставки «Запретное искусство – 2006», которую православные активисты обвинили в оскорблении чувств верующих. В 2006 г. Таганский суд г. Москва принял сторону обвинения и посчитал, что экспонаты выставки «цинично оскорбляли религию», кураторов выставки признали виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, и **приговорили к крупным штрафам**. В мотивировочной части приговора суд указал, что в результате проведения выставки верующие граждане «подверглись психо-травматическому воздействию, перенесли нравственные страдания, их человеческое достоинство было унижено». Это, по мнению суда, коснулось даже тех православных верующих, кто экспозицию не видел, поскольку информация о ней распространялась в интернете и через СМИ. Некоторые экспонаты были охарактеризованы судом как «циничное оскорбление религии», а сама идея об организации выставки – «преступным умыслом». Суд отметил, что в работах присутствовала нецензурная лексика [10].

Обратим внимание на то обстоятельство, что на момент вынесения приговора суда российское уголовное законодательство не содержало специальной нормы, предусматривающей ответственность за оскорбление чувств верующих, поэтому организаторы выставки были привлечены к ответственности по ст. 282 УК РФ. Приговор вызывал широкий общественный резонанс и был подвергнут резкой критике. Уполномоченный по правам человека в РФ Владимир Лукин заметил, что считает неправильным сам факт судебного разбирательства по поводу организации выставки «Запретное искусство-2006». Международная правозащитная организация «Human Rights Watch» назвала судебное решение «недопустимым ограничением свободы выражения мнений». «Осуждение известного правозащитника за организацию острой выставки на религиозную тематику стало наглядным свидетельством нарастания в России атмосферы нетерпимости к свободному выражению мнений и убеждений», – было сказано в пресс-релизе организации [2]. К сожалению, сведения о рассмотрении жалобы организаторов выставки на приговор в Европейском суде по правам человека в открытом доступе на момент написания настоящей работы отсутствуют.

Автор полагает, что оскорбление всегда представляет собой внешнее проявления ненависти или вражды. Поэтому говорить об оскорблении чувств верующих корректно именно в этом контексте: как минимум, законодателю следовало включить указание на специальную цель, которую должен преследовать виновный при оскорблении чувств верующих в виде возбуждения ненависти или вражды. Однако подобное решение ставит под сомнение саму необходимость существования ст. 148

УК в её нынешней редакции, поскольку такое деяние будет полностью подпадать под диспозицию ст. 282 УК РФ.

Разграничение же составов преступлений, предусмотренных ст. 282 и ст. 148 УК РФ, необходимо проводить исходя из формы возбуждения ненависти или вражды. Анализ текста ст. 282 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что круг возможных потерпевших от преступлений, предусмотренных указанной статьёй, неопределённо широк. К ним могут относиться отдельные граждане, против которых направлено возбуждение ненависти либо вражды. Отдельные граждане, граждане, являющиеся членами группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, члены любых социальных групп могут выступать потерпевшими при действиях, направленных на унижение достоинства.

Ст. 148 УК, напротив, устанавливает ограниченный круг потерпевших. Ими являются верующие. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» указывает на то, что государство взаимодействует с религиозными объединениями. Видами религиозных объединений, в соответствии с законом, являются религиозные группы и религиозные организации. Закон определяет религиозную группу как добровольное объединение людей, исповедующих одну и ту же веру. Группа не является отдельным юридическим лицом с точки зрения закона, и всё имущество, которое необходимо для религиозных обрядов и церемоний, находится в собственности конкретных прихожан. Религиозная организация – надлежащим образом зарегистрированная группа, состоящая не менее чем из 10 участников и зарегистрированная в качестве юридического лица.

Обратим внимание на то обстоятельство, что помимо ответственности за оскорбление религиозных чувств часть 3 ст. 148 УК РФ предусматривает и ответственность за препятствие работе религиозных организаций или проведению обрядов и церемоний. При этом закон говорит лишь о препятствии деятельности религиозных организаций, прямо не предусматривая ответственность за воспрепятствование деятельности религиозных групп. Кроме того, проводя аналогию, становится очевидным, что уголовно-правовой защите подлежат только чувства тех верующих, которые объединены в предусмотренные законом формы религиозных объединений. Вопрос о причинах подобной избирательности законодателя в деле защиты чувств верующих, а также о том, как быть с чувствами тех верующих, которые не получили официального статуса, оставим открытым.

Поводя итог сказанному, замечу, что особый, специфический статус потерпевшего как верующего выступает ещё одним критерием разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 282 и ст. 148 УК РФ. Такой элемент субъективной стороны преступления, как цель, является обязательным в обоих анализируемых составах. Отсутствие специальной цели, указанной в законе, влечёт за собой

отсутствие одного из элементов *corpus delicti* и, следовательно, отсутствие собственно преступления.

Для статьи 282 обязательной является цель возбуждения ненависти или вражды. Преступление совершается только с прямым умыслом и с целью возбудить ненависть либо вражду, а также унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе. При этом действия, направленные на унижение достоинства человека или группы лиц, имеют локальную цель – унижить, оскорбить, показать ущербность, неполноценность, неприглядность, ограниченность людей конкретной национальности либо отдельного гражданина.

Применительно к ст. 148 УК РФ заметим, что такой квалифицирующий признак, как цель, подразумевает, что действия, хотя и являющиеся сами по себе оскорбительными для верующих, совершаются именно с целью оскорбить верующих. Таким образом, в предмет доказывания должны обязательно входить доказательства того, что преступление совершалось с прямым умыслом. Это значит, что виновный должен осознавать то обстоятельство, что его действия верующими будут расценены именно как оскорбление, и прямо желать наступления результата в виде оскорбления чувств верующих. При этом автор выражает сомнения по поводу того, что в условиях современной судебно-следственной практики в России будут собираться допустимые доказательства наличия прямого умысла в совершении указанных преступлений.

Комплекс базовых правовых положений Конституции Китая относительно национальных и религиозных вопросов достаточно сильно похож на положения Конституции РФ, однако куда более детализирован. Ст. 4 Конституции КНР устанавливает, что все национальности в КНР равноправны. Государство гарантирует законные права и интересы всех национальных меньшинств, охраняет и развивает отношения равенства, сплочённости и взаимопомощи всех национальностей. Запрещаются дискриминация и гнёт в отношении любой национальности, запрещаются действия, направленные на подрыв сплочённости между национальностями и их раскол. В названной статье особо выделяются такие субъекты, как национальные меньшинства.

С чем связано выделение такого субъекта? Прежде всего с тем, что национальные меньшинства в Китае в 2000 г. составляли всего 8,41% по отношению к основной национальности – ханьцам (собственно китайцам).

Конституция КНР предусматривает, что государство, учитывая особенности и нужды национальных меньшинств, помогает районам национальных меньшинств в ускорении темпов экономического и культурного развития. При этом каждая национальность пользуется свободой использования и развития своего языка и письменности, свободой сохранения или изменения своих нравов и обычаев. Именно в этих конституционно-правовых нормах мы видим реализацию главной цели, кото-

рая ставилась КПК в её политике по отношению к национальным районам за последние годы и сводилась к следующему: удержать их в качестве неотъемлемой части территории КНР и насколько возможно мирными средствами провести социально-экономические и политические преобразования [1].

Нормы относительно свободы совести и вероисповедания в Конституции КНР имеют специфические особенности. Ст. 36 Конституции КНР содержит стандартные положения, что граждане Китайской Народной Республики имеют свободу вероисповедания. Никакие государственные органы, общественные организации и частные лица не могут принудить граждан исповедовать или не исповедовать религию, не могут дискриминировать граждан за исповедание или неискповедание религии. Государство охраняет нормальное отправление религиозной деятельности. Никто не может использовать религию для нарушения общественного порядка, нанесения вреда здоровью граждан и в ущерб государственной системе образования. При этом в названной статье содержится особое указание на то, что религиозные организации и религиозные дела свободны от иностранного контроля. Очевидно, что включение столь специфической оговорки в текст основного закона было связано со спорами относительно китайского Тибета и наличием Центральной тибетской администрации (правительства Тибета в изгнании) за пределами КНР.

Нормы, предусматривающие уголовную ответственность за посягательство на права граждан исходя из их национальности, включены в главу 4 УК Китая, которая имеет название «Преступления против прав личности, демократических прав граждан».

Их система достаточно проста и логична. Статья 249 УК Китая устанавливает ответственность за пропаганду национальной ненависти, национальной дискриминации при отягчающих обстоятельствах; в ст. 250 УК КНР криминализована публикация в печатном издании дискриминационных материалов, оскорбляющих в грубой форме достоинство национальных меньшинств, повлекшая за собой серьёзные последствия. Обратим внимание на то, насколько схожи приведённые нормы УК КНР и нормы УК РФ: практически полностью совпадают как объекты уголовно-правовой охраны (исключая ссылку на национальные меньшинства), так и элементы состава преступления, естественно, с учётом китайской специфики их конструирования.

В сфере уголовно-правовой защиты свободы вероисповедания китайский законодатель пошёл по пути, который существовал в прежних редакциях УК РФ, по сути установив уголовную ответственность за воспрепятствование совершению религиозных обрядов. Ст. 251 УК КНР устанавливает ответственность за незаконное лишение работниками государственных органов права на свободу вероисповедания и посягательство на традиции и обычаи национальных меньшинств, при отягчающих обстоятельствах. Несомненно, обращает на себя внимание специальный субъект, предусмотренный рассматриваемой нормой: очевидно, что цель, ко-

торуую преследовал китайский законодатель, состоит в запрете государственного произвола в религиозной сфере. При этом общие нормы, которые регулировали бы ответственность за посягательство на свободу вероисповедания всех граждан, а не только национальных меньшинств, в действующем уголовном законодательстве Китая отсутствуют. Тем более отсутствуют в уголовном законодательстве Китая нормы об оскорблении чувств верующих. Такой осторожный, взвешенный и одновременно простой и понятный подход к уголовно-правовой охране свободы совести со стороны китайского законодателя не может не заслуживать внимания,

Можно много дискутировать об исторических путях развития государственности и о роли религии в этом развитии, однако, на взгляд автора, одно следует иметь в виду твёрдо: светское государство – изобретение отнюдь не российское, и уж тем более не коммунистическое, идеи светского государства – это один из краеугольных камней фундамента, на котором стоит любое многонациональное государство.

Исходя из положений Конституции и доктрины права, все религиозные конфессии представляют собой институты гражданского общества, то есть объединения граждан на основе общих интересов – общей веры. Из этого следует базовый, фундаментальный постулат: религия, её исповедание или неисповедование – это дело частного интереса, куда государство, несмотря на любые благие намерения, не должно вмешиваться. В идеале, государственное регулирование религиозных аспектов жизни общества должно сводиться к обеспечению гарантий реализации свободы веры, которая означает не только право исповедовать любую из религий, но и право быть атеистом. При этом перекося в любую из крайностей недопустим. Отечественному законодателю следует обратить внимание на то, как наш великий сосед крайне осторожно подходит к возможности спровоцировать нетерпимость по отношению к любому религиозному течению, которую вольно или, скорее, невольно, провоцирует российский законодатель. Автор убеждён, что объективных потребностей во введении в УК специальной нормы, устанавливающей ответственность за оскорбление чувств верующих, не существовало и не существует на сегодняшний момент. Оскорбление чувств верующих могло быть квалифицировано (и успешно квалифицировалось на практике) по ст. 282 УК РФ, предусматривающей ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а также за унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе. Обращение же к каузальному подходу в конструировании уголовно-правовых норм свидетельствует о недостаточном уровне юридической техники, отсутствии чёткой концепции развития российского уголовного законодательства.

Кроме того, следует помнить, что духовность далеко не всегда следует отождествлять с религиозностью. Как свидетельствует вся история человеческой культуры, духовность есть показатель существования определенной иерархии ценно-

стей, целей и смыслов бытия личности и общества, в ней концентрируются проблемы, относящиеся к высшему уровню освоения мира человеком. Отождествляя духовность с религиозностью, мы отлучаем от духовного развития значительную часть человечества, сужаем и обедняем само понятие духовности [4]. И вряд ли с этим утверждением можно не согласиться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булдакова, В. Национальная политика КНР в отношении малочисленных народов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.abirus.ru/content/564/623/627/635/762.html>.
2. Вынесен приговор организаторам выставки «Осторожно, религия!» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sova-center.ru/religion/news/education-culture/relationships/sakharov-exhibition/2005/03/d4086/>.
3. Журавлев, А. Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. – 2009. – Т. 30, № 5. – С. 72–80.
4. Зезека, Е. М. Проблемы формирования духовно-нравственных ценностных ориентаций современной молодежи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.jeducation.ru/5_2009/121.html.
5. Исхаков, Р. Л. Принцип миньцзу чжуи и легитимация национальной государственности Китая // Китай: история и современность : материалы IX междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 21–23 октября 2015 г. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. – С. 262–279.
6. Москалёв, А. А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999) / А. А. Москалев. – М., 2004. – 224 с.
7. Новикова, Н. Жертвоприношение на Курбан-байрам вызвало недовольство москвичей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spr.ru/novosti/2012-10/zhertvoprinoshenie-na-kurban-bayram-vizvalo-nedovolstvo-moskvicey.html>.
8. Петровский, А. В. Коллектив // Общая психология / А. В. Петровский. – М., 1986. – С. 85.
9. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 // Российская газета. – 2011. – 4 июня, Федеральный выпуск №5518 (142).
10. Седых, И. Организаторов выставки картин осудили за «циничное оскорбление религии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rb.ru/article/organizatorov-vystavki-kartin-osudili-za-tsinichnoe-oskorblenie-religii/6482007.html>.
11. Юнг, К. Г. Психологический комментарий к «Тибетской книге Великого освобождения» // О психологии восточных религий и философии – М. : Медиум, 1994. – С. 91–148.

REFERENCES

1. Buldakova V. *Natsional'naya politika KNR v otnoshenii malochislennykh narodov* [National policy in China in point of small nations]. Available at: <http://www.abirus.ru/content/564/623/627/635/762.html> (accessed 11 March 2017).
2. *Organizers of the exhibition «Caution, religion!» were convicted*. Available at: <http://www.sova-center.ru/religion/news/education-culture/relationships/sakharov-exhibition/2005/03/d4086/> (accessed 11 March 2017). (In Russian).
3. Zhuravlev A.L. Kollektivnyi sub"ekt: osnovnye priznaki, urovni i psikhologicheskie tipy [Collective subject: the main attributes, levels and psychotypes]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 2009, Vol. 30, no. 5, p. 72–80.
4. Zezeka E.M. *Problemy formirovaniya dukhovno-nravstvennykh tsennostnykh orientatsii sovremennoi molodezhi* [Problems in formation of moral values and orientations of modern young people]. Available at: http://www.jeducation.ru/5_2009/121.html (accessed 11 March 2017).
5. Iskhakov R.L. Printsip min'tszu chzhui i legitimatsiya natsional'noi gosudarstvennosti Kitaya [The principle minzu zhuyi and legitimation of national statehood of China]. *Kitai: istoriya i sovremennost'* [China: history and modernity]. Ekaterinburg: Ural's Univ. Publ., 2016, p. 262–279.
6. Moskalev A.A. *Teoreticheskaya baza natsional'noi politiki KNR (1949–1999)* [Theoretical base of national policy of China (1949–1999)]. Moscow, 2004. 224 p.
7. Novikova N. *Zhertvoprinoshenie na Kurban-bairam vyzvalo nedovol'stvo moskvichei* [Sacrifice for на Eid al-Adha caused complaints of muscovite]. Available at: <http://www.spr.ru/novosti/2012-10/zhertvoprinoshenie-na-kurban-bayram-vizvalo-nedovolstvo-moskvichey.html> (accessed 11 March 2017).
8. Petrovskii A.V. Kollektiv [Collective]. *Obshchaya psikhologiya* [Common psychology]. Moscow, 1986, p. 85.
9. The Supreme Court's Plenary Decision of 28.06.2011 № 11 «On practice in criminal cases of extremist directionality». *Rossiiskaya gazeta. Federal edition*, 2011, No. 5518 (142), June 4. (In Russian).
10. Sedykh I. *Organizatorov vystavki kartin osudili za «tsinichnoe oskorblenie religii»*. [Organizers of the exhibition were convicted for «cynical indignity of religion»]. Available at: <http://www.rb.ru/article/organizatorov-vystavki-kartin-osudili-za-tsinichnoe-oskorblenie-religii/6482007.html> (accessed 11 March 2017).
11. Jung C.G. *Psikhologicheskii kommentarii k «Tibetskoi knige Velikogo osvobodzheniya»* [The Notes to The Tibetan Book of the Great Liberation]. *Psychology of Oriental Religions and philosophy*. Moscow: Medium Publ, 1994, p. 91–148.